

Ленин — Сталин: красное самодержавие?

Неретина С.С.,
д. филос. н., Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор,
главный редактор журнала Vox
abaelardus@mail.ru

Аннотация: Анализируется идея Л.Н. Краснопевцева, полагавшего революционный и пореволюционный путь развития России как борьбу белого самодержавия Романовых и красного самодержавия Ленина — Сталина. Последнее рассматривалось как теоретически и практически единое, исключавшее деление на ленинизм и сталинизм. Однако анализ событий свидетельствует о том, что изначально схожие революционно-террористические методы, используемые «вождями» революции, имели разные конечные цели. Если Ленин стремился к созданию государства по типу Парижской Коммуны, то Stalin, в период гражданской войны проявивший себя как своекорыстный, властолюбивый, амбициозный человек, использующий для достижения своих целей конспирологию, сделал руководящей идеей самодержавие, доведенное им до тоталитарного правления.

Ключевые слова: революция, самодержавие, коммуна, власть, Ленин, Stalin, толпа, история, память, насилие

Наш расчет с советской властью и с СССР происходит вот уже более тридцати лет, зависимо или независимо от планов по восстановлению его территории. Сейчас это, можно сказать, символическая дата — возраст Христа. И ровно тридцать лет и три года, как пушкинские старики со старухой, мы перепробуем разные одежды: кто в разных социальных гнездах, а кто в одном и том же, пытаясь ничего не менять. Хотя очевидно желание многих вернуться туда и к тем вождям, которых уже никто не знает и кто живет в памяти уже не как реальные персонажи, а как мифы. Мы вспоминаем об этом времени и не можем решить, что с этими воспоминаниями делать: для немногих еще живущих это память о детстве, не слишком счастливом и веселом, поскольку пришлось на войну — с ее хлебными карточками, лимитом на электроэнергию, продовольственными аттестатами (тем, у кого на войне отцы) с непременной гречкой, гороховыми брикетами, тушенкой и конфетами. Умер вездесущий (даже в прожекторах на небе) Stalin, возвращались из ниоткуда люди, о которых многие делали вид, что забыли, прошла оттепель, которая календарно длилась немного, но длительно действовала на сознание, способствуя рождению литературных, художественных, театральных произведений, осмысливающих прошедший репрессивный период, рождению диссиденства.

Сейчас другое время («другие кузнецы», как напомнил антрополог К. Гирц), но прошедшее многих из нас тревожит — не опасением даже, что может вернуться то коварное, что с ним связано (это есть всегда, «любое время — время для всего»), а несовпадением

наших представлений о разрывах, трещинах, нелинейности истории и ее постоянным возвращением. Возникает недоумение оттого, что мы, столь часто повторяющие, что человеческий (социально-политический, исторический, культурный) мир — микрокосм (затвердили формулу древних), знаем, что звезды, планеты и пр. (макрокосм) осуществляют свое движение так, что это позволяет предсказать и узнать многое. Конечно, и в микрокосме, как и в макрокосме, происходят «1) остановка, 2) попятное движение светила с востока на запад, 3) вторая остановка и, наконец, 4) прямое движение с запада на восток» и далее (см. словари), но за дальностью ли только пространства и времени мы не переживаем столь напряженно происходящее «там», как происходящее «тут»? Почему не работает предупреждение царя Соломона: «И это пройдет», напоминающее о макрособытиях, и мы вновь и вновь возвращаемся к старому, где, как нам кажется, допущены перекосы, и мы будто что-то можем изменить или в будущем остереяться от них? Только ли нашей психикой, нашим сознанием и умом объясняется это наше желание?

М.Я. Гефтер вспомнил: «У Пастернака во вступлении к „905-му году“: „Это было при нас, это с нами вошло в поговорку. И уйдет. Стерся след; были — нет, от нее не осталось примет“. Какая странная вещь: мы есть — те, с кем революции вошли в поговорку, а того, с чем вошли мы, нет и следа. „Были — нет?“ Провал памяти и провал времени»¹.

Цитата из Пастернака и воспоминание Гефтера говорят о многом. Цитата у Гефтера не вполне пастернаковская. У Пастернака:

Это было при нас.
Это с нами вошло в поговорку.
И уйдет.
И однако,
За быстрою сменою лет
Стерся след,
Словно год
Стал нулем меж девятки с пятеркой,
Стерся след,
Были нет,
От нее не осталось примет.

У Пастернака важнейшая строка «год стал нулем меж девятки с пятеркой». Это обнуление — начало, ничто, из которого то ли возникнет, то ли нет бытие. Даже скорее — нет («стерся след»). Революция — начало, провал, куда ушли дни и годы. Но мы не можем за ним идти, ибо у Пастернака не то что нас нет, а самой были нет, нет бытия. Все утонуло в ничто. Грамматика Пастернака: именно «были нет, от нее (от были) не осталось примет». Это с нами «когда-то вошло в поговорку», в то «когда», которого уже нет.

Начинание — краткий миг, когда возникает то, что сейчас становится, из того, чего уже нет, и неизвестно, что станет: все проигрывается и переигрывается в этот момент становления.

В этом смысле и 1924 год — водораздел, между ним и ним, между январем и январем, мгновением 21 января и другим мгновением того же 21 января: король умер, да

¹ Гефтер М.Я. В разговорах с Глебом Павловским. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М.: Европа, 2017. С. 24.

здравствует король (в этот ноль, который и написать негде, поместились два года — с 1924 г. по 1926 г.). Остановка и продолжение движения с запада на восток, с учения Маркса о пролетарской революции до становления государства с сильным восточным уклоном. Позиционирующий себя как ученик Ленина делает с ним вроде бы — на словах — одну работу, строит страну. Учитель и ученик (впрочем, не соколенок, а сокол, как пелось в знаменитой песне) — оба властолюбцы, оба немилосердны, но как все разно!

В западной Европе не было не только столь долгого самодержавия, вообще такого самодержавия не было. Абсолютизм, длившийся с середины XIV в. по XVIII в. (не всюду), — не самодержавие, несмотря на знаменитые слова 16-тилетнего Людовика XIV «государство это я», тем более что само произнесение этой фразы весьма сомнительно. (Но и у М.К. Петрова, никак не относящегося к поклонникам самодержавия, есть размышления о «я-государстве», причем такое «государство» у него связывалось с универсально-понятийным мышлением, т. е. имело отношение непосредственно к философии, а не к истории.)

В России почти с начала XX в., 17 октября 1905 г., царь сам ограничил свою державность в пользу народного представительства. Через полгода из определения его власти, оставшейся самодержавной, исчезло прилагательное «неограниченная», хотя это случалось и во времена Петра I. Как считает Ф.А. Гайда, «первоначальным значением слова „самодержавие“, введенного при объединителе России Иване III, было „суворенная, независимая власть“ Оставаясь самодержцем, император сохранял за собой суворенное право пересмотра дарованной конституции», что значит: исполнение конституционных прав (свобода слова, неприкосновенности личности, собраний, союзов) на деле зависела от него². Но русский самодержец был наследственным самодержцем. Была, однако, идея (и она древнее) монархии, основанная на выборности государя.

Идея наследственного правления в монархии была официально принята в некоторых странах будущей западной Европы только с XIII в., хотя фактически она проводилась в жизнь гораздо раньше на основании права майората. Но и идея выборности государя тоже была не нова. Она сохранялась формально очень долго. Н. Макиавелли же в «Принцепсе» проводил мысль о том, что главой государства должен был избираться (именно избираться) человек не на основании богатства или знатности, а на основании достоинства.

И холопства такого не было и быть не могло в Западной Европе в силу, в-первых, иерархического способа управления, основанного на личном договоре вассала и сюзерена, исключавшего полное подчинение нижестоящего в иерархии вышестоящему («вассал моего вассала — не мой вассал»), во-вторых, примерно к XII в. лично зависимых людей на территории будущей Западной Европы практически не было: были в основном находящиеся в правовой и экономической зависимости.

К тому же после революции 1789 г. было еще три революции, с целью реставрации монархии. У нас же после революции 1917 г. такого не было, хотя вполне возможно — при быстро установившемся единоличном правлении — считать, что монархический образ правления был не изжит. Тот же историк Гайда (и не он один) считает, что «в том или ином

² См.: Гайда Ф. Ограниченнное самодержавие. О Манифесте 17 октября 1905 года. — URL: https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://lenta.ru/articles/2015/10/17/manifest_&ved=2ahUKEwiZ05W5tPSFAxWIFRAIHcOcCHgQFnoECCoQAQ&usg=AOvVaw3SUwaDBf-I6deixKMnXFFB — Дата обращения: 04.05.2024.

виде монархия в России упорно возрождается», хотя и не всегда на законных основаниях. «Скажем, сталинскую монархию законной не назовешь: в советской Конституции нигде не говорилось, что главой государства является генсек. Законным руководителем был Михаил Калинин»³.

Так считают не только некоторые ученые, но и множество публицистов, открыто говорящих об этом в СМИ, и обычные люди. Традиция эта давняя. Как известно, у Аристотеля в «Политии» было шесть типов монархии, из которых идеальной считал ту, во главе которой стоял человек большого достоинства, работавший на благо общества. Но были и монархии во главе с пожизненно избиаемым стратегом. Очевидно, что происхождение ее древнее, от тех — того, кто знает дело. Совершенно неслучайно, что историки (именно историки, не философы), когда впервые после XX съезда КПСС, т. е. после так называемого разоблачения культа личности Сталина, начали заниматься основаниями пореволюционного государства; и они обратили внимание на его самодержавно-деспотический характер. Один из историков, обративший на это внимание, Лев Николаевич Краснопевцев, написал свой трактат в 1957 г., передал его своим коллегам на обсуждение, но затем он вместе с ближайшими соратниками был арестован, соответственно, никакого обсуждения не состоялось. Но не состоялось оно и после их освобождения в конце 1960-х годов. Между тем тема монархии спорадически возникает в 1990-е годы, особенно после крушения СССР. Одним из ее проводников является Н.С. Михалков.

Послеоктябрьская деспотия сменилась в 1991 г. ликвидацией советской власти, установлением федерации, образованием СНГ, и затем тихо версталась реставрация этой деспотии, но не монархия! Версталось искажение, уже забывшее свою принадлежность к монархическому дереву. Термины (монархия, тирания, олигархия, власть элит) упоминались, хотя и не часто. Монархи были давно, а вот Сталин — вчера⁴. При общем все еще патерналистском сознании такая мысль вовсе не случайна и не нелепость. Перед нами другое историческое русло, но в нем есть ряд гомогенных поворотов, которые хотелось бы прояснить. Заодно и вопрос: могло бы Сталина, к примеру, не быть?

То, что в 1917 г. был кризис империи, не знал (и не говорил об этом) только ленивый. Вопрос о государстве стоял остро, «практически, — как говорил Ленин, — как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе»⁵. Так считали не все. Так не считали те, кого Ленин называл буржуазными и мелкобуржуазными идеологами, к которым присоединились эсеры и меньшевики. Немедленное же действие заключалось в том, чтобы разбить старую государственную машину «и командовать, управлять при помощи новой машины»⁶. Правительством должен стать вооруженный пролетариат⁷, диктатура которого каким-то образом не противоречит демократии⁸.

³ Гайдा Ф. URL:

https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.pravda.ru/news/interesting_news/1689192-gaida_rossija_monarkhija/&ved=2ahUKEwixmuWj3fSFAXWFFBAIHXb6D8UQFnoECA8QAQ&usg=AOvVaw3OF3_qu6LgYKdR5KSGkubT — Дата обращения: 04.05.2024.

⁴ Так называлась статья М.Я. Гефтера «Сталин умер вчера» (Век XX и мир. 1987. № 8).

⁵ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. ПСС. Т. 33. С. 9.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 120.

В «Государстве и революции», в этой в общем-то программной ленинской работе ни слова о науке послереволюционного управления. Здесь господствует напор, известный со временем Александра Македонского: «Сначала ввяжемся, а потом посмотрим!» Напор, решимость, желание действовать — главная ее (работы) цель. Предполагался второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), но его, как пишет Ленин, «пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать»⁹. Ленин чувствовал то, что называется зовом истории, и он шел за ним. И он в этом экзистенциальном опыте поучаствовал в полной мере, в том числе, вопреки заявленному настрою уничтожать старое буржуазное государство, ему пришлось обращаться и к помощи старых буржуазных «спецов», осуществляя единство с теми, кто пошел навстречу пролетариату, т. е. со всем тем, что он грозно критиковал у К. Каутского.

Но это — предреволюционный момент, ибо «Государство и революция» написано в августе — сентябре 1917 г. Ленин, конечно же, хотел бы строить новый мир по образцу Парижской коммуны. Гефтер, который мечтал стать биографом Ленина, уточняет: «Государственный капитализм плюс государство *типа Коммуны* — в единстве обоих понятий. В основе ленинского „госкапитализма“ 1917 года — эталон Германии, теоретически им осмысленный. То есть фрагменты европейской реальности, продвинутые в теорию, где они выступают политической альтернативой. Для Ленина еще и новая версия идеи „американского пути развития“, переведенная на язык европейской актуальности»¹⁰.

Гефтер считал, что, строго говоря, оглядка Ленина была не только на Парижскую Коммуну, но на всю Французскую революцию, которая у Ленина «почти вплотную подошла к социализму, но не было ни крупной машинной индустрии, ни банков и железных дорог — и место всего заняла гильотина. Нам, — говорит Ленин, — гильотинировать не нужно — есть техника экономического контроля без милитаризации собственности. Современную экономику надо лишь политически уравновесить включением множества людей в управление делами через государство *типа Коммуны*», выступавшее как «идея замещения гильотины»¹¹.

Однако история показала, что замещение произошло, но иначе — гильотины на расстрел (менее громоздко), ибо диктатура (и здесь вопрос — пролетариата или единоличной власти?) осуществлялась полностью. И хотя, по Гефтеру, который, на мой взгляд, близко подошел к пониманию размышлений Ленина, последний нашел «чудо-эквивалент гильотины, позволяющий оставаться у власти, — без социализма, но сохраняя контролирующие позиции»¹², остальное зависело от того, как пойдет мировой процесс, который подскажет, что делать. Это — начало. Дальнейшее послереволюционное состояние с проразворсткой, продналогом и в результате НЭПом — это конкретная реализация последствий утопического движения мысли и реальная раскладка действительных кровавых дел, связанных к тому же с властвующей автономной силой созданной Лениным партии.

⁹ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. ПСС. Т. 33. С. 121.

¹⁰ Гефтер М.Я. В разговорах с Глебом Павловским. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М.: Европа, 2017. С. 120.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 121.

Возможно, если бы осуществилась надежда на европейское продолжение «русского начала», потребность в такой партии могла бы отпасть. Но случилось то, что случилось, и ленинская концепция, как считает Гефтер, переживает две эпохи: первая — ее действие во время революции и до 1920 г., когда Ленин отстаивает ее право на такое — властное — существование, вторая (с 1920 г. до 1924 г.) — когда он «пытается отрегулировать и откорректировать партийный централизм. В первом случае он идет к победе, во втором — терпит поражение»¹³.

И с этим уже связана катастрофа сталинизма.

Ибо после 1924 г. Россия плотно связана с фигурой Сталина, хотя ничто не свидетельствует о том, что эта фигура неустранима из истории, альтернатив было много.

В свете нынешнего дня эта проблема особенно важна: закрытый фильм Сокурова «Сказка» проблему решает бесповоротно. Мы обречены на возвращение: все будет забыто и что-то (что?) начато снова. Это тот вопрос, который возник в начале статьи. Ведь в том «снова», т. е. в начале, может ничего не оказаться.

Но к такому началу, при котором обессмыслилось и переиначилось большинство понятий, мы, возможно, пришли лишь к началу же нынешнего века, и потому вынуждены подвергнуть пересмотрю и то, что казалось прежде незыблемым: и тот ли это большевизм, о котором мы знаем из учебников, и действительно ли было сильным государство, уничтоженное в одночасье, хотя при этом вроде бы все согласны в том, что были слабы институты частной собственности, что фактически не было гражданского общества, несмотря на трамвайное обращение к впередистоящему «гражданину», и каковы были отношения метрополии с колониями, ибо размеры колонизирующейся державы были настолько огромны, что на них мог разместиться целый «архипелаг» — ГУЛАГ.

Ссылку на документы мы привыкли считать фундаментом истинного, доказуемого. Но многие из них как раз это истинное скрывают: сколько раз цензоры вымарывали из них то, что не подлежало всеобщему узрению. Лишь в определенное время мы начали понимать, что есть язык и язык, один из них лжив и неискренен, другой, что называется, «подставлялся», слегка обнажая истинные мотивы действий и размышлений. Прошлое — не то, что отсчитывается календарем. Это странная реальность, обладающая совершенной непоправимостью, но к которой мы возвращаемся памятью как к необходимой части нашего существования. Эта современность существований, в сущности, паранойя, как говорил Гефтер, исторического человека. Хорошо зная, что прошедшее непоправимо, ты это непоправимое возвращаешь в себя — зачем? Чтобы что-то изменить в непоправимом? достичь чего-то, что отсутствует в так называемых «упущенных возможностях»? И это свойственно не только *Homo historicus*, это известно с неисторической античности: хотел же Орфей вернуть Эвридику?

Получается, что мы проживаем две истории: в одной происходит абсолютизация истории (нам говорят: не искажайте историю, забывая, что один новый источник может изменить событие до неузнаваемости), при которой умерший вчера Сталин неизбежен, и мы вечно ожидаем его прихода (страшаем им друг друга). Другая изыскивает

¹³ Гефтер М.Я. В разговорах с Глебом Павловским. 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М.: Европа, 2017. С. 127.

альтернативные пути, позволяющие от рока уйти: Эдипова ситуация, трагедия, заложенная в самом феномене революции.

Вернемся, однако, к осмыслению революции Краснопевцевым. В марте 1957 г. Лев Николаевич Краснопевцев, в 1957-м в ожидании ареста вместе со своей группой, с большой спешностью закончил первый вариант работы «Основные моменты развития русского революционного движения 1861–1905 гг.», характеризовавшей пореформенное развитие революционного и демократического движения. Речь в ней шла о фактическом прочном союзе и постоянной поддержке двух сил, отстаивавших в сущности единый путь развития России: **белого дворянского самодержавия** Романовых и растущего и крепнущего в этом союзе **красного самодержавия** Нечаева — Желябова — Ленина. Это единство исключало, по мысли Краснопевцева, деление на ленинизм или сталинизм. Многолетняя согласованная борьба этого союза против либерально-демократических сил России, считал он, обеспечила в благоприятной обстановке военных разрушений экономики и государства казавшийся совершенно невероятным переход власти от Николая Романова к «Николаю Ленину» всего за восемь месяцев 1917 г.

(Удивительная вещь: все происходит в спешке: Краснопевцев быстро-быстро пишет и не успевает обсудить, власть за восемь месяцев переходит от одного Николая к другому, быстро свершается НЭП, столь же быстро отменяется, аресты и расстрелы следуют почти в одночасье. Скорость, с которой свершается общественная жизнь, мысль России первой половины XX в., сравнима со скоростью ее уничтожения и длиной сроков за эту мысль).

Краснопевцев писал в то время, когда еще были закрыты архивы. Его коллега-историк Олег Витальевич Хлевнюк, писавший, когда архивы открылись, о том, как Ленин практически в одиночку настаивал на восстании пролетариата, подтверждает этот вывод о переходе власти, но подтверждает *отчасти*.

В работе «Сталин. Жизнь одного вождя», вышедшей в 2015 г., Хлевнюк писал не о единстве, а о разнобое в позициях Ленина-Сталина. В 1917 г. **друзья** Каменев и Stalin (расстрелявший в 1936 г. Каменева) был в то время его другом) в «Правде» занимали правую позицию за союз с разными партиями. Они говорили, что лишь в конечном итоге не стали бы возражать против социалистической революции. Это значит, что в роковом 1917 г. они находились в оппозиции к Ленину. «Недовольный линией „Правды“, Ленин требовал изменения лозунгов, отстаивая радикальный курс: объявить войну Временному правительству и готовить социалистическую революцию. Каменев и Stalin, скорее всего, искренне не понимали намерений Ленина, объясняли его радикализм оторванностью от российских реалий» (он был еще в эмиграции) и опубликовали в «Правде» его статью с существенными купюрками¹⁴.

«Позиция Ленина, — считает Хлевнюк, — была основана на точном политическом расчете. Умеренные взгляды Каменева и Сталина открывали дорогу сотрудничеству основных социалистических партий. С точки зрения перспектив революции и судьбы страны такое сотрудничество и совместное сдерживание радикализма было единственно правильным. С точки зрения перспектив прихода большевиков к единоличной власти —

¹⁴ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Изд-во «Аст», 2015. С. 49. Хлевнюк ссылается на: Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М., 1969. С. 11–22, 504.

губительным»¹⁵, ибо Ленин, который был хорошим политиком, делал ставку на приход к власти до стабилизации ситуации. Его историческое время — он считал — это время революционного подъема, как известно по опыту других революций, тем более что он (см. выше) считал, что «приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать». Подталкивая радикализацию, Ленин уже на начальном этапе революции «выдвинул крайнюю программу, до которой революции еще предстояло добрасти... Ленин играл на опережение. Такая стратегия имела очевидные преимущества для партии, ставящей своей главной целью быстрое получение власти. Выдвижение радикальных целей, которые многими воспринимались не иначе как авантюра, обеспечивало такой партии необходимую **изоляцию** в политическом пространстве. С ней никто не вступал в коалиции, но зато у нее самой были полностью развязаны руки... Вначале отторгаемая массами, по мере **углубления разрыва между надеждами и реальностью, нарастания трудностей и нетерпения** такая программа должна была привлечь — и привлекла — многих»¹⁶. **Ленин играл на психологии толпы** и на том, что обычно не принимается в расчет при анализе революции: на изучении и учете энергии хаоса и **насилия снизу**, на анализе резко изменившихся отношений человека к власти. И в то время Сталин переиграл: он «двинулся за **сильнейшим**», пошел за Лениным, «твердо и последовательно»¹⁷.

С точки зрения характеристики личности Сталина, вопрос об истоках его «умеренного» большевизма имеет принципиальное значение: это противоречит образу твердого, жесткого, властного человека, не идущего на взаимные уступки. Он не был в то время лидером революции.

В работе Краснопевцева это тоже не учитывалось, как и вовсе не учитывались, повторю, внутренние разногласия большевиков. Учитывалась лишь позиция революционеров вообще, т. е. тоже насилия, но как бы одной группы, партии, **не** всего народа. Это именно и только «революционеры стремились заменить царское самодержавие самодержавием одной из своих сект (или нескольких, в лучшем случае). Заменить одно насилие над экономической и социальной жизнью России другим, гораздо более тяжелым... Но если царское самодержавие стояло на почве жизни, имело в ней опору и было великолепно организовано и закалено, то рвущееся к власти самодержавие революционеров было насквозь утопичным, нежизнеспособным и неорганизованным»¹⁸. Действительно утопичным, мало жизнеспособным, но организованным, правда, несколько иначе, чем огромный бюрократический аппарат империи.

Соглашаясь с тем, что *в результате* действительно все шло к установлению «красного самодержавия» (что стало, другой вопрос), я не согласна с тем, что выстроилось или выстраивалось оно в первые же годы революции. Ленин и Stalin — не близнецы-братья, работавшие совокупно на захват и упрочение собственной власти. Роль Сталина была изначально иной, он, можно сказать, совершенствовался и действовал в другой логике, в логике власти-для-себя на любом основании. Самодержавие, тем более что оно «стояло на почве жизни и имело в нем опору», было его оплотом, он знал его устройство.

Ленин действовал на других основаниях.

¹⁵ Хлевнюк О.В. Stalin. Жизнь одного вождя. М.: Изд-во «Аст», 2015. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 50. Выделено мной.

¹⁷ Там же. С. 51. Выделено мной.

¹⁸ «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.): материалы круглого стола // Вопросы истории, 1994. № 4. С. 111.

Большевики (я писала об этом в статье «Парадигмы исторического сознания в России в начале века» в книге «Подвластная наука») были лишь частью хаоса, уже не в первый раз захватывающего Россию. Но вот первое определение, что напрашивается при различении персон Ленина и Сталина (стоявших по обе стороны 1924 г.): люди большевизма (Ленина) — неутопические утописты. Ими, как говорит Гефтер, выстраивается ряд: История — Утопия — Мир — Новая тварь, а на продолжении этого ряда намечается Революция, как правило — импровизируемая и становящаяся идеологичной по мере того, как выстраивается — по Марксу ли, по Н.Г. Чернышевскому, по всем выражаемым в это время проектам — некая структура власти, когда происходит всеобщее напряжение сил, и люди не удовлетворяются отдельными преобразованиями, замахиваясь на такие, которых им заведомо не осуществить в обозримое время (Гефтер называл это «судным днем»)¹⁹, как не удалось провести реформы («у Октябрьской в истоках крах Столыпина»²⁰). Осуществить необходимое в уплотненные сроки может только *новый, еще несуществующий человек*. Именно такой человек появляется в публицистической литературе XIX в. «Дым» И.С. Тургенева, «Что делать?» Чернышевского, это последнее произведение — такой же манифест для Ленина, как и «Капитал» Маркса. Не случайно он пишет как бы в ответ собственное «Что делать?», где, говоря о необходимости создать «партию, руководимую передовой теорией», он предлагает «вспомнить о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»²¹, подчеркивая значение этой русской литературы как некоей теоретической базы. В ленинском «Что делать?», помимо конкретно-насущных дел, предлагаемых для организации борьбы с царизмом, подчеркивается важность теории для этой борьбы. Ленин приводит длинную выдержку по этому вопросу из Энгельса. «Энгельс, — напоминает он, — признает не две формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу». И далее Ленин раскрывает источники марксизма, цитируя слова друга Маркса. Тот писал: «Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми „образованными“ классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь... Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не

¹⁹ Гефтер М.Я. Неостановленная революция. С. 26, 18.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 6. С. 25.

должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?»²² — бывшая, напомним, образцом для Ленина в его представлениях о будущей социалистической государственности.

Ленин — в отличие от многих — не боялся гражданской войны²³, считая ее естественной во время классовой революции. Более того, и на саму революцию он смотрел не через призму борьбы «империализма и социализма», а под углом зрения противостояния различных типов империй. Волею истории марксист-ортодокс встал перед задачей втискивания борьбы классов в совершенно непривычные для них глобалистско-имперские, а вовсе не формационные параметры. Идея формаций пришла значительно позже. Homo novus менял свои параметры на ходу. И Ленин занят был три года гражданской войной, затем проблемами экономического строительства, НЭПом («ненавистный большевикам капитализм спас страну и их собственную власть. Благодаря нэпу СССР буквально за несколько лет оправился от разрухи»²⁴), перестройкой нравственных оснований («лучшее дело любви — это ненависть», как говорил один из сподвижников Ленина), образования и идеологии, его новый человек — устроитель и спаситель.

У Сталина иное. В период гражданской войны он проявил себя исключительно как своекорыстный человек: амбиции, властолюбие, но главное — конспирология, что проявилось еще в Царицыне во время гражданской войны, а в бытность его Генсеком, вождем он закрепил это как руководящую идею. Влияние тех ведомств, во главе которых он стоял при жизни Ленина (наркомат по национальностям и рабоче-крестьянской инспекции), было не столь велико, хотя он был и членом Политбюро партии. Потому вполне можно согласиться с О.В. Хлевнюком, что «после завершения гражданской войны политическая судьба Сталина могла сложиться по-разному... Угроза его превращения в вождя второго плана была вполне реальной»²⁵. Потому он к 1923 г. от этих должностей избавился, изъявив желание руководить аппаратом ЦК партии, чего в результате он и добился. Как считают историки, «ключевая перемена в его политической судьбе произошла не только благодаря его способностям и энергии, но в значительной мере благодаря стечению обстоятельств»²⁶, **случаю** (это произошло в период борьбы Ленина с Троцким, который не был учеником Ленина, являясь самостоятельным политиком).

Но после 1926 г., когда его положение упрочилось, Stalin создал особую «сложноорганизованную систему патерналистского типа», свойственную российской империи, хотя «патерналистское начало просматривается в любой, даже самой демократичной государственности. Применительно к России она означает устойчивое стремление выстраивать систему власти-принуждения на архаичнейших („большая семья“)

²² Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 6. С. 25–26.

²³ См.: Хлевнюк О.В. Stalin. Жизнь одного вождя. С. 67.

²⁴ Хлевнюк О.В. Stalin. Жизнь одного вождя. С. 66.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 67.

основаниях, что снижает действенность так называемого дисциплинирующего насилия²⁷. Применительно к Сталину это означало реальный отказ от установления Парижской Коммуны (вообще вопрос — было ли у него такое желание?), чему как ученик Ленина он обязан был следовать, при формальных заявлениях, что он выполняет его заветы.

Но это произошло уже в относительно спокойном жизненном состоянии, в котором проявились черты, всегда отличавшие самодержавие России от европейских монархий.

В России в далеком XVI в. явился уже не столько *новый человек*, а, по представлению Гефтера, царь «нового типа» (причем синхронно с установившимися европейскими монархическими режимами), который лично руководил процессом сколачивания «новых» (опричных) людей. Иван Грозный (1530–1584), идеолог, пришедший на место удельных хозяев земель (роднивших западно- и восточноевропейский миры), человек, увлеченный идеей Руси, мыслящий и действующий не только в русском, а в мировом масштабе. Царь, мыслящий, как считал Гефтер, Миром, — совершенно новая русская фигура, который сделал Россию своим двором, т. е. его холопами.

Не философы, а профессиональный историк (мы здесь в основном опираемся не на исторические исследования, а на исследования историков) дает нам ключ (не исключено, что не тот) к пониманию и Сталина, и постоянного желания отличить себя от европейского уклада и вспыхивающего евразийства. Иван Грозный хочет сделать Русь Миром, уйти от прежней, по Гефтеру, от монголов доставшейся, государственности, которой Русь противилась по-разному.

Впрочем, другой историк, В.П. Булдаков, считает, что «формально пресловутое „иго“ было ординарнейшим фактом Средневековья; войны и нашествия в ранней человеческой истории вообще оказывались едва ли не основным средством культурогенеза. Но случилось так, что князья, использовавшие на протяжении столетий баскаческий принцип государственного терроризма, ухитрились привить народу представление об „иноземном“ или, что важнее, „басурманском“ или „разбойном“ происхождении насилия сверху (последнее усугублялось тем, что государственно зависимое православие было отдалено от практики инквизиторства). В связи с этим сформировался утопический образ „настоящей“, „своей“ ненасильственной власти — если в реальной жизни наблюдалось совершенно противоположное, то „свои“ властители представляли „чужими“, достойными террористического возмездия»²⁸.

В обоих случаях, однако, представлялась возможность двойственного отношения к власти: как к своей или как к чужой, в зависимости от угла зрения. Первым, возможно, объясняется и народное желание встать под опеку властителя, стать холопами, вторым — умение быстрой смены своего на чужого, умения быстро менять мировоззрение.

Но в 1917 г. это старое видение никого еще не тревожило, и, хотя известно, какое государство хотел построить Ленин, но неизвестно, его ли он строил, если учесть его волю к власти и развязанный террор. Упрямство и упорство Ленина довести революцию до так называемой социалистической — тому свидетельство. И что получилось в результате? Партия нового типа — тот же господский, т. е. холопий, двор, развернутый на Россию. Обычно эту развернутость, если принимать Ленина за чистого марксиста, понимают как

²⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 10.

²⁸ Там же. С. 666.

развернутость на мировую революцию (сама об этом писала, считая Россию жертвой), но не исключено, что просто срабатывала старая «рабочая» схема, возможно также, что под предлогом этой схемы (и это мгновенно показывает не-марксизм Ленина) строится нечто иное. Спасение капиталистическим НЭПом позволяет забыть старое спасение социалистической Коммуной. Люди в большинстве своем вряд ли понимали настрой Ленина на нового человека: они его принимали за нового владыку, а большевизм — за возможность грабить. Булдаков сообщает, что «архивы хранят немало дооктябрьских и особенно послеоктябрьских поношений в адрес Ленина. Его упрекали обычно в обмане и предательстве интересов народа. Но чаще в письмах звучали недоумение и вялые угрозы. «„Ленин! Умоляем Тебя — Владыко насилия, бесправия и поругания человеков — и тобою рожденного растрителя России Троцкого, уясните нам, кто вы именно?“ — вопрошал 24 июня 1918 г. некий человек, подписавшийся „Товарищ Председателя Орловского Совета“ (что, разумеется, действительности не соответствовало)»²⁹.

Речь пошла о старом властном типе правителя и об ином государстве — не о том, о чем теоретически размышлял дореволюционный Ленин, и это понял Сталин, создавший — в опоре на толпу, согласную с ним, ритуал поклонения Ленину с созданием гробницы, как у древнеегипетских фараонов.

Послеленинский Сталин развернул программу управления страной, которую он начал еще в Царицыне. Регулярные бюрократические институты были смешаны с патримониальной властью диктатора. Органы госбезопасности и охрана Сталина как их важное подразделение были вершиной огромной машины, которую историки называют «сталинской партией-государством», стержнем и фундаментом которой была партия большевиков, созданная Лениным, но переделанная Сталиным под нужды своей диктатуры: она не просто была строго централизованной организацией, имеющей право производить кадровые перестановки, но слепо подчинялась вождю. Архетипическое сходство с XVI в. подчеркивает то, что Stalin создал как бы своего рода опричный (государев) двор, близкий круг из пятерых, шестерых, девятерых человек, которые замещали все: кабинет министров, Верховный Совет и то, что можно ими заменить³⁰. Когда О.Э. Мандельштам, не самый сведущий в политике, но имевший близкие знакомства в партийных кругах (его любил Н.И. Бухарин), писал: «а вокруг него сброд тонкошеих вождей» — он, видимо, знал, что писал, и то, что писал, знал не он один. Как и то, что таким образом организованная система власти не могла существовать без угрозы репрессий, которые проводились с применением метода кампаний, составлявших основу политической практики сталинизма³¹. Это вело к уничтожению огромных материальных ресурсов и человеческим жертвам. «Однако в контексте сталинской системы кампании были вполне эффективным способом мобилизационной централизации»³². Описанные Гефтером, Булдаковым и Хлевнюком характерные черты сталинской системы существенно дополняют характеристику тоталитарной системы, данной Х. Арендт, которые обнаруживают и то, что эти черты уже не

²⁹ Булдаков В.П. Красная смути. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 420, 454.

³⁰ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. С. 14.

³¹ См.: Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. С. 14, 45–46. О.В. Хлевнюк подробно описывает алгоритм таких кампаний, позволявший определить цикл: начало перегибов (репрессий) — кризис — преодоление перегибов, когда репрессиям подвергались их организаторы.

³² Там же. С. 46, 14.

укладываются в представления о том, что такое самодержавие: речь не об отклонении, хотя бы и пагубном от монархии, а об уникальности именно тоталитарного правления. По ходу возвращения к самодержавию складывался облик тотального правления, который, по-видимому, недостаточно изучен³³. Но я бы сказала резче. Это не самодержавие, не тирания, не классовая диктатура: действия тоталитарной власти непредсказуемы и гибельны. Даже Сталина вряд ли, на манер Краснопевцева, можно считать принадлежащим к красному самодержавию. Ибо тоталитаризм — растлитель, он в прямом смысле этого слова превращает человека в тлен. Жесткое следование определенной идеологии приговаривает человека к тому, что он, становясь массой, утрачивает свою человеческую природу. В этом случае тоталитарная система — «это массовое производство трупов»³⁴. Надежда здесь была лишь на то, что в человеке, как говорил Гефтер, всегда есть «остаток недовытаптываемой индивидуальности»³⁵. Остаток этот получается благодаря тому, что сам индивид (неделимое) на деле состоит из некоей «невытаптываемой» сущности, которая вполне может существовать сама по себе (в средневековье ее называли субстанцией), и из такого основания, на которое могут накладываться разного рода случайности (в средневековье его называли субстанцией). Термин «субстанция», как он впоследствии понимался, охватывал собою оба этих основания. То есть индивид, строго говоря, оказывался дивидным, двуприродным³⁶, полностью его уничтожить нельзя; «разрушить до основания», конечно, можно, как поется в известной песне, но оно-то, основание, как раз и останется. Поэтому наше постоянное обращение к прошлому предполагается этим нерушимым основанием как некое предостережение. Я хотела бы напомнить старую непоколебленную мысль о том, что если что-то еще не произошло, оно могло бы и не произойти.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
3. Гефтер М.Я. В разговорах с Глебом Павловским. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. М.: Европа, 2017.
4. Гайда Ф. Ограниченнное самодержавие. О Манифесте 17 октября 1905 года. — URL:
<https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://lenta.ru/articles/2015/10/17/manifest/&ved=2ahUKEwiZ05W5tPSFAxWIFRAIHcOcCHgQFnoECCoQAQ&usg=AOvVaw3SUwaDBf-I6deixKMnXFFB>

³³ Хлебинюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. С. 14.

³⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова. Послесл. Ю.Н. Давыдова. Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. Раздел 12.3.

³⁵ Гефтер М.Я. Неостановленная революция. С. 21.

³⁶ См. об этом: Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: ИФРАН, 1999. С. 62–67.

5. Гефтер М.Я. Сталин умер вчера // Век XX и мир. 1987. № 8.
6. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.): материалы круглого стола // Вопросы истории, 1994. № 4.
7. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 6.
8. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. ПСС. Т. 33.
9. Хлевнюк О.В. Stalin. Жизнь одного вождя. М.: Изд-во «Аст», 2015.

References

1. Arendt H. Istoki totalitarizma / Per. s angl. I.V. Borisovoj, Yu.A. Kimeleva, A.D. Kovaleva, Yu.B. Mishkenene, L.A. Sedova. Poslesl. Yu.N. Davydova. Pod red. M.S. Kovalevoj, D.M. Nosova. M.: CentrKom, 1996.
2. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M.: ROSSPEN, 1997.
3. Gefter M.Ya. V razgovorah s Glebom Pavlovskim. Neostanovленная revolyuciya. Sto let v sta fragmentah. M.: Evropa, 2017.
4. Gajda F. Ogranichennoe samoderzhavie. O Manifeste 17 oktyabrya 1905 goda. — URL:
<https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://lenta.ru/articles/2015/10/17/manifest/&ved=2ahUKEwiZ05W5tPSFAxWIFRAIHcOcCHgQFnoECCoQAQ&usg=AOvVaw3SUwaDBf-I6deixKMnXFFB>.
5. Gefter M.Ya. Stalin umer vchera // Vek XX i mir. 1987. № 8.
6. «Delo» molodyh istorikov (1957–1958 gg.): materialy kruglogo stola // Voprosy istorii, 1994. No 4.
7. Lenin V.I. Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizheniya // Lenin V.I. PSS. 5 izd. T. 6.
8. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyuciya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyucii. PSS. T. 33.
9. Hlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya. M.: Izd-vo «Ast», 2015.

Lenin — Stalin: the Red autocracy?

Neretina S.S.,

DPhi, Institute of Philosophy of Russian Academy of Science,
Chief Scientific Researcher, Professor, Chief editor of journal "Vox"
abaelardus@mail.ru

Abstract: The article analyzes the idea of L.N. Krasnopoletsev, who believed the revolutionary and post-revolutionary path of Russia's development as a struggle between the white autocracy of the Romanovs and the red autocracy of Lenin-Stalin. Red autocracy was considered theoretically and practically unified, excluding the division into Leninism and Stalinism. However, the analysis of events indicates that initially similar revolutionary and terrorist methods used by the "leaders" of the revolution had different ultimate goals. If Lenin sought to create a state like the Paris Commune, then Stalin, who during the civil war proved himself to be a self-serving, power-hungry, ambitious man using conspiracy to achieve his goals, made the guiding idea of autocracy, which he brought to totalitarian rule.

Keywords: revolution, autocracy, commune, power, Lenin, Stalin, crowd, history, memory, violence